

УДК 316.3

DOI 10.23683/2227-8656.2019.4.22

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ОСНОВАНИЯ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ
СПЕЦИФИКИ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ**

**SOCIOCULTURAL BASICS
OF THE INSTITUTIONAL
SPECIFICITY
OF SOCIO-ECONOMIC
INEQUALITY
IN RUSSIA**

Яковлева Анна Игоревна,

Соискатель,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: yakovleva_a_i@gmail.com

Anna I. Yakovleva

Applicant,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: yakovleva_a_i@gmail.com

Статья посвящена проблеме институциональной специфики социально-экономического неравенства в России. В статье уделено внимание политическим, экономическим и идеологическим факторам, определившим социокультурные особенности институционализации социально-экономического неравенства в российском обществе.

The article is devoted to the problem of the institutional specifics of socio-economic inequality in Russia. The article focuses on political, economic and ideological factors that determined the socio-cultural features of the institutionalization of socio-economic inequality in Russian society.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство; российская модель государственности; патернализм; клиентелизм; институт раздаточной экономики; коллективизм; социальная справедливость.

Keywords: socio-economic inequality; Russian model of statehood; paternalism; clientelism; institute of distributing economy; collectivism; social justice.

Введение

Одной из ключевых проблем современной России является сложившееся в стране глубокое социально-экономическое неравенство, которое ведет к большому социальному расслоению по уровню доходов и качеству жизни. Колоссальное обеднение многочисленных слоев общества и обогащение отдельных групп, входящих в систему государственного управления или близких к ней, не позволяет рассматривать Россию как страну, комфортную для жизни большинства ее граждан. Более того, масштабы образовавшегося сегодня социально-экономического неравенства являются угрозой устойчивому развитию страны, а соответственно, несут в себе риски для социальной безопасности российского общества.

В условиях стагнации российской экономики проблема институционализации социально-экономического неравенства привлекает пристальное внимание российских социологов. Причем это определяется не только чисто научным интересом, но и гражданской позицией ученых, выражающейся в озабоченности перспективами развития страны и ее экономическим статусом в современном мире. Это заставляет обратиться к исследованию социокультурных институтов, определяющих специфику социально-экономического неравенства и факторы его воспроизводства в России.

Считается, что каждое общество в процессе эволюции формирует свою систему институтов, совокупность которых образует конкретную институциональную матрицу, охватывающую деятельность экономических, политических и идеологических институтов социума. По мнению исследователей, именно базовые социальные институты, исторически сложившиеся в обществе, представляют собой достаточно устойчивую структуру, определяющую дальнейшее развитие социума и влияющую на его последующее институциональное развитие (Кирдина, 2000). Данный подход позволяет рассмотреть социальные институты, которые определили специфику российской институциональной матрицы, а следовательно, и вектор развития страны.

Российская модель государственности и ее влияние на специфику социально-экономического неравенства

Существенное влияние на специфику российской институциональной среды оказал институт политической власти. В научной литературе данный институт рассматривается посредством понятий «российская модель государственности», «русская власть». По мнению исследователей, российская государственность основывается на принци-

пиально иных основаниях, чем западная. Особенностью последней является наличие общественного договора между властью и обществом, который регламентирует их взаимоотношения. Именно общественный договор является тем социальным институтом, который в терминологии Дж. Норта выступает «системой правил, регламентирующей формы поведения», обеспечивающие условия функционирования правового государства и гражданского общества (Норт, 1997).

Теории общественного договора апеллировали к построению справедливого государства, принципом функционирования которого является «признание моральной автономности личности, необходимости защиты прав и свобод граждан, оставляя государству лишь тот минимум прав, который делегируются ему обществом, признан за ним его гражданами. Основным же механизмом, обеспечивающим защиту прав граждан и сдерживающим произвол власти, должна была стать последовательная реализация принципа разделения властей в государстве» (Омельченко, 2015. С. 51). Вследствие этого начинают активно подниматься вопросы о свободе личности, ее гражданских правах, о взаимоотношении гражданина и государства.

Тем самым идеи теории общественного договора легли в основу развития либерально-демократических институтов, определивших характер современного государственного устройства западных стран. В данной модели государственности формальным выражением общественного договора между обществом и государством, гарантирующим гражданские права и свободы, становится конституция. Кроме того, по мнению западных теоретиков, именно общественный договор между государством и обществом (выступающий в форме конституции) является институтом, обеспечивающим реализацию принципа социальной справедливости в обществе.

Специфику российской государственности связывают с процессами централизации государственной власти, ее культом, сакрализацией. Рассматривая государственную власть в России посредством концепта «русская власть», ученые утверждают, что в ее основе лежит «идея “насилия”, включающая, с одной стороны, преимущественно принудительные социальные взаимодействия с постоянно присутствующей угрозой легитимированного государством насилия (побоев, ареста, конфискации имущества, лишения свободы, казни), а с другой – запечатленные в культуре символы и ценности “порядка” и “сильной руки”, преобладание принуждения в установках сознания и поведения» (Пивоваров, 1998. С. 91).

Ряд исследователей рассматривают российскую государственность как государственность вотчинного типа. С точки зрения американского историка Р. Пайпса, вотчинный характер государственного режима в России представляет собой национальный архетип, отражающий авторитарную природу власти, «присущую большинству русских правителей и сводившуюся по сути дела к нежеланию дать земле – вотчине – право существовать отдельно от ее владельца – правителя – и его государств» (Пайпс, 1993. С. 79).

Институциональной основой функционирования государственности вотчинного типа является формирование института власти-собственности, при котором происходит сращение политической власти и собственности, а распределение последней становится прерогативой исключительно государства. Это ведет к развитию антисобственнических установок и ориентирует человека не на экономическую активность, а «на перераспределение общественного богатства» (Лубский, 2013. С. 97).

Российские исследователи связывают вотчинный характер российской государственности с таким типом отношения между властью и обществом, при котором население страны выступает в качестве подданных, не обладающих гражданскими правами и зависимых от милости государства. Это было следствием того, что государственная власть в России «регулировалась не субъективными правами классов, сословий, граждан, но объективным правом, волей самого государства; законность не подлежала ограничениям, налагаемым на государство извне, а создавалась самим государством. Законность (объективная) никогда не выражала совокупную волю граждан, сословий, классов, не имела опоры в самом обществе» (Яковлев, 2002. С. 83).

В такой институциональной среде социально-экономическое положение человека в обществе определялось государством как единственным субъектом, имеющим право распределения благ между своими подданными. В такой ситуации обладание материальными благами было непосредственно связано с близостью к власти, вхождением в ее круг.

Модель государственности, сложившаяся в России, сформировала такие ценностные установки, как этатизм, патернализм, клиентелизм, которые стали определяющими во взаимоотношениях власти и общества. Этатизм, по мнению исследователей, есть выражение «фетишизации и сакрализации государства... преклонения перед ним как воплощением силы и господства» (Лубский, 2013. С. 95). Патернализм представляет собой практику социального патронажа, выражающегося

в опеке общества со стороны государства и в ожидании этой заботы со стороны населения.

Специалисты указывают на то, что «оформление патерналистских практик в России по патриархальным лекалам не предполагает согласования интересов сторон, поскольку только у государства, устанавливающего правила социального взаимодействия, существует свобода выбора. Поэтому социальные институты в России, устанавливающиеся путем общественного провозглашения сверху, носят неустойчивый характер» (Кочнова, 2009. С. 52).

В таком институциональном контексте возникает явление, получившее название клиентелизм. В научной литературе данное понятие определяется как «разновидность иерархических отношений, предполагающих обмен покровительства “патрона” на лояльность “клиентов”» (Камнев, 2005). Речь идет о сращении власти и бизнеса, в результате которого представители власти имеют возможность получать доходы за свое покровительство определенным предпринимательским структурам. В такой системе взаимоотношений государства и бизнеса эффективность предпринимательской деятельности напрямую зависит от покровительства властных структур и реализации патрон-клиентских отношений, строящихся только по принципу мздоимства, а не партнерства. Характеризуя данную модель отношений, исследователи отмечают, что, «реализуя монопольное право государства на легитимное насилие, российская бюрократия в разных формах и на разных уровнях власти нередко осуществляет сходные по своей сущности действия по вымогательству ренты с бизнеса и с граждан» (Римский, 2007. С. 69).

В зарубежной научной мысли для описания специфики российской модели государственности используется термин «естественное государство». По мнению Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, институциональной особенностью социально-экономического неравенства в России является создание такой системы управления, при которой доступ к ценным ресурсам и функциям становится ограниченным для большинства, в результате «создаются экономические ренты, служащие обеспечению достоверности обязательств среди политически влиятельных групп» (North, 2005). Данный подход позволяет выделить ключевые признаки естественного государства:

1) установление монополии на ренту исключительно для представителей власти и связанных с ними экономических акторов;

2) отсутствие института гражданских прав, дающего возможность претендовать на свою долю в экономической ренте доходов государства;

3) несформированность института частной собственности, не способствующая развитию среднего класса в российском обществе;

4) тотальный контроль не только над экономической, но и над политической системой, связанный с ограничением политических свобод, реализация которых может угрожать правящей элите и государству в целом.

Очевидно, что вышеназванные черты естественного государства в полной мере характеризуют политические институты, сложившиеся в России, которые функционируют в государствоцентричной модели развития. Реализация этой модели определяет социально-экономическое положение человека в социальной структуре общества, где «главным видом капитала является политический капитал, который выступает гарантом монополии на ренту, размер которой зависит от места в политической иерархии» (Крыштановская, 2004. С. 17).

Институт раздаточной экономики и социально-экономическое неравенство

Наряду с российской моделью государственности на специфику институционализации социально-экономического неравенства оказал влияние институт раздаточной экономики. По мнению специалистов, организация экономической сферы в России обусловлена как географическими факторами, так и моделью российской государственности. В результате в обществе сформировались раздаточные экономические институты, деятельность которых опирается на следующие принципы:

1. Общественно-служебный характер собственности, особенностью которого выступает распределение права по ее владению между экономическими субъектами сугубо на время реализации их хозяйственной деятельности, причем «доступ к ней осуществляется в форме службы» (Бессонова, 2006. С. 31). Временный характер ее использования не позволяет претендовать на нее в полном объеме и, соответственно, не формирует права частной собственности. С точки зрения О. Бессоновой, такая модель организации экономической жизни функционировала практически на всех этапах институционального развития России, приобретая различные формы, но сохраняя при этом базовые правила раздаточной экономики.

2. Служебный труд, представляющий собой институт, регламентирующий в обществе исполнение трудовых функций и обязанностей.

Его специфика, по мнению исследователей, проявляется в том, что «данный институт предполагает обязательный характер труда, его организацию по ведомствам, иерархичность и номенклатурность труда, служение “для другого” (лица, коллектива, общества)» (Сулаймонов, 2016. С. 38). Очевидно, что данный институт не является исключительно российским явлением, а реализуется во всех странах, но тем не менее он обладает национальной спецификой. Последняя связана с российской моделью государственности, формирование которой привело к «сильной зависимости всей социальной системы от решений властно-чиновнической иерархии» (Воденко, 2017. С. 14). В такой ситуации доход, получаемый работниками, определяется не столько его трудозатратами, сколько институтом раздач, в котором его доля назначается государством. Такая форма организации трудовой деятельности закрепляет в общественном сознании установки на подчинение власти, выражающиеся в чиновпочитании, характерном для российской ментальности.

3. Институт раздач предполагает установление правил владения и использования объектов общественно-служебной собственности. Причем институт раздач охватывает как материальные, так и нематериальные активы, обладание которыми позволяет индивиду занимать более высокое положение в социальной иерархии. Однако в российской экономической модели, как подчеркивают специалисты, «раздаче подлежат не только сами объекты, но и объем прав по их распоряжению, посредством которых определяются правила владения и использования этих объектов» (Бессонова, 2006. С. 31). Дополнением института раздач выступает институт сдач, суть которого заключается в том, что раздача не предполагает возникновения пожизненного права на те или иные блага или ресурсы, получаемые в процессе использования общественно-служебной собственности, напротив, предусматривает «обратную передачу вновь созданных или других имеющихся (необходимых обществу) материальных благ, услуг и ресурсов от всех хозяйственных субъектов и частных лиц в распоряжение всего общества» (Бессонова, 2006. С. 32).

Тем самым реализация института раздач-сдач не позволяет сформироваться в российском обществе психологии собственника, несущего ответственность за результаты своей деятельности. Отсутствие гарантий частной собственности определяет достаточно подвижный характер социальной структуры российского социума, в которой права собственности носят временный характер и зависят только от настоящего служебного положения индивида.

Представляется, что вышеназванные принципы функционирования раздаточной экономики в большей степени определяют институциональ-

ную специфику социально-экономического неравенства в российском обществе, которое формируется в социальном пространстве доминирования властного ресурса и института редистрибутивной экономики. Причем эти институты определяли специфику социально-экономического неравенства практически на всех этапах развития России.

Вместе с тем исследователи обращают внимание на то, что функциональный сбой в деятельности этого института, проявляющийся «в невозможности обеспечить сбор ресурсов, либо их несправедливое их распределение и соответствующее невыполнение социальных обязательств перед населением (раздач) приводит к бунтам и революциям, которые разрушают сложившуюся в обществе сословную систему и формируют новую, с новыми сословиями, как это происходит сейчас» (Кордонский, 2008. С. 49). Тем самым устойчивость института редистрибутивной экономики способна обеспечить стабильность социальной системы.

Роль духовных ценностей в институциональной специфике социально-экономического неравенства в России

Социокультурные особенности институционализации социально-экономического неравенства в России тесно связаны с системой ценностей, определяющих мировоззрение людей и формы их социального поведения. В процессе исторического становления российской цивилизации складывалась особая система ценностных ориентиров, на основе которых формировались устойчивые политические, экономические, правовые, моральные представления, детерминирующие деятельность людей в обществе и легитимирующие социальный порядок в государстве. Эти представления, включаясь в социальное пространство, определяли деятельность социальных институтов, влияющих на специфику социально-экономического неравенства в российском обществе.

В первую очередь речь идет о таких установках, как коллективизм, доминирование духовных ценностей над материальными, негативное отношение к богатству, экономическая инертность. Появление этих установок в российской ментальности обусловлено как объективными факторами, связанными с географическими условиями проживания славянского этноса, так и влиянием норм православной этики.

Очевидно, что природные условия России требовали общинного способа ведения хозяйства и мобилизации людей в трудной климатической среде. Это способствовало формированию коллективизма как этического принципа организации социума. В основе данного принципа, по мнению исследователей, лежит «идея трудового коллектива в виде целостного, неклассового общества. Сотрудничество здесь принимается как

хозяйственная связь общества; коллективы, классовые или иные, как первичные деятели истории и познания; развитие стройности и силы коллективов как сущность человеческого прогресса» (Богданов, 1999. С. 54).

Несмотря на то что коллективизм являлся основой выживания русской общины, тем не менее он не способствовал формированию личной ответственности и инициативы, поскольку коллектив подавлял проявления индивидуальности. В коллективистском типе общества складывается представление о несубъектности человека, о понимании его исключительно как части коллектива, общества. Как отмечают исследователи, «исторически коллективизм вырабатывался как культурная норма, которая требовала подчинения мыслей, воли и действий человека общественным интересам» (Кожевникова, 2012. С. 75).

Считает, что именно коллективистский характер организации хозяйственной жизни в России затруднил развитие предпринимательской деятельности, в основе которой лежат такие качества личности, как свобода, экономическая активность, готовность к риску, прагматизм и пр. В то же время коллективизм базировался на равенстве членов коллектива и недопустимости социального расслоения в нем. Коллективный характер организации хозяйственной жизни опирался на принцип справедливости, который провозглашал равенство и соответствие между трудом и вознаграждением.

Идея справедливости является одной из центральных идей православного вероучения, которое оказало существенное влияние на институты хозяйственной жизни и отношение к социально-экономическому неравенству в обществе. По мнению исследователей, понятие справедливости в православном понимании имеет различные коннотации и отличается неоднозначностью, что обусловлено сложностями содержательного характера, связанными с определенным культурным контекстом, задающим направленность толкования данного термина. Специалисты, анализируя национальную специфику справедливости, отмечают, что в «русской культуре понятие справедливости скорее связано с понятием “правда” и “обычай”, чем с понятием “закон”» (Якушева, 2008. С. 209). Очевидно, что справедливость как ценность в русской ментальности отражает представления о должном социальном порядке, который опирается не на закон, а на нормы морали. Формирование такого понимания справедливости, по мнению специалистов, обусловлено влиянием православного мировоззрения, оперирующего «идеей о Боге как воплощении абсолютной справедливости, ценности человеческого общежития, построенного на началах равенства, согласия и любви» (Козлов, 2010. С. 83).

Следует отметить, что сегодняшние представления россиян о справедливости свидетельствуют о сохранении традиционных суждений о ней как некоем эталоне в организации социальной жизни людей, отражающем «меру равенства и свободы индивидов в системе общественных отношений» (Аргунова, 2004. С. 32). Это демонстрируют данные социологического опроса, проведенного сотрудниками Института социологии РАН. Несмотря на то что большинство респондентов (36 %) наиболее значимым проявлением социальной справедливости считают равенство всех граждан перед законом, каждый пятый опрошенный (20 %) видит социальную справедливость в том, чтобы «уровень жизни всех был бы примерно одинаковым, не было ни богатых, ни бедных»; далее в порядке убывания – «чтобы каждый мог достичь того, на что способен» (13 %); «чтобы положение каждого члена общества определялось его трудовыми усилиями» (12 %); «в гарантиях для социально незащищенных, в социальной ответственности богатых» (11 %); лишь 6 % респондентов заявили, что «никакой социальной справедливости в обществе не было и никогда не будет» (Горшков, 2013. С. 50). Такие результаты демонстрируют сохранение представления о справедливости в качестве архетипа в общественном сознании россиян, даже несмотря на кардинальные институциональные трансформации, произошедшие в стране за последние десятилетия.

Заключение

Анализ социокультурных факторов, определивших специфику институционализации социально-экономического неравенства, позволяет сделать вывод о том, что в России и на Западе сложились различные экономические, политические и культурные институты, которые сформировали разные представления о природе неравенства, обозначили свои приоритеты в понимании социальной стратификации в обществе, применили свои идеологические принципы для легитимации социального расслоения.

В российском социуме институционализацию социально-экономического неравенства определили такие факторы: 1) российская модель государственности; 2) институт раздаточной экономики; 3) нормы общинной организации жизни; 4) принципы православной этики и представления о социальной справедливости. В силу этого социально-экономическое неравенство в России обусловлено централизацией и авторитаризмом власти, раздаточным принципом управления экономической сферой, традицией уравнилельных практик, неразвитостью института частной собственности и слабостью институтов гражданского общества.

Литература

Аргунова В.Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ. Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2004. 312 с.

Бессонова О. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М. : РОССПЭН, 2006. 144 с.

Богданов А. А. Познание с исторической точки зрения. Воронеж : Модек, 1999. 475 с.

Воденко К. В., Иванченко О. С. Служебный труд в структуре социально-экономической деятельности россиян // Тренды и управление. 2017. № 4. С. 13–22.

Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. М. : Ин-т социологии РАН, 2013. 81 с.

Камнев Д. Г. Современные практики лоббизма в современной России: фокус на тенденции и особенности // Политическое образование. 2005. Режим доступа: <http://www.lawinrussia.ru/node/252948>.

Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М. : ТЕИС, 2000. 212 с.

Кожевникова Т. М. К вопросу о природе русского коллективизма // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 2. С. 75–77.

Козлов М. И. Социальная справедливость в контексте русской традиции. Архангельск : КИРА, 2010. 201 с.

Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России // Мир России. 2008. № 3. С. 37–66.

Кочнова О. А. Патернализм как субинститут благотворительности // Вісник СевДТУ. Вип. 94 : Філософія: зб. наук. пр. Севастополь : Вид-во СевНТУ, 2009. С. 52–55.

Крыштановская О. В. Современные концепции политической элиты и российская практика // Мир России. 2004. Т. XIII, № 4. С. 3–39.

Лубский А. В., Лубский Р. А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 90–103.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Начала, 1997. 180 с.

References

Argunova, V.N. (2004). Social justice: value-institutional analysis. Ivanovo: Ivanovskij gos. un-t.

Bessonova, O. (2006). Russian distributing economy: evolution through transformation. M.: ROSSPEN.

Bogdanov, A.A. (1999). Cognition from a historical point of view. Voronezh: Modek.

Vodenko, K.V., Ivanchenko, O.S. (2017). Official work in the structure of socio-economic activity of Russians. *Trendy i upravlenie*, 4, 13–22. (in Russian).

Gorshkov, M.K., Tihonova, N.E. (2013). Sociocultural factors of consolidation of Russian society. M.: Institut sociologii RAN.

Kamnev, D.G. (2005). Modern lobbying practices in modern Russia: focus on trends and features. *Politicheskoe obrazovanie*. Available at: <http://www.lawinrussia.ru/node/252948>.

Kirdina, S.G. (2000). Institutional matrices and development of Russia. M.: TEIS.

Kozhevnikova, T.M. (2012). To the question of the nature of Russian collectivism. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process*, 2, 75–77. (in Russian).

Kozlov, M. I. (2010). Social justice in the context of Russian tradition. Arhangel'sk: KIRA.

Kordonskij, S. G. (2008). Class structure of post-Soviet Russia. *Mir Rossii*, 3, 37–66. (in Russian).

Kochnova, O.A. (2009). Paternalism as a substitution of charity. *Visnik SevDTU. Vip. 94: Filosofiya: zb. nauk. pr. Sevastopol': Vid-vo SevNTU*.

Kryshtanovskaya, O. V. (2004). Modern concepts of the political elite and Russian practice. *Mir Rossii*, XIII, 4, 3–39. (in Russian).

Lubskij, A.V., Lubskij, R.A. (2013). Etatism and paternalism as cultural markers of civilizational identity in Russia. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 3, 90–103. (in Russian).

Nort, D. (1997). Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. M.: Nachala.

Омельченко Н. А. Идеи общественного договора в русской общественно-политической мысли (к вопросу о национальной специфике российской государственности) // Вестник Университета. 2015. № 6. С. 50–55.

Пайтс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 427 с.

Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. Русская система: генезис, структура, функционирование (тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1, № 3. С. 87–117.

Римский В. Л. Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2007. № 1. С. 65–84.

Сулаймонов Ш. Ф. Теория институциональных матриц о базовых институтах хозяйствования в редистрибутивных экономиках // Осенние экономические чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 27 октября 2016 г. Екатеринбург: ИМПРУВ, 2016. С. 37–42.

Яковлев А. М. Российская государственность (историко-социологический аспект) // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 78–93.

Якушева Т. Ю. Концептуализация «справедливости» в православной культуре // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 208–215.

North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. The Natural State: The Political Economy of Non-Development. 2005. March. Available at: http://www.international.ucla.edu/ems/files/PER_G_North.pdf.

Omel'chenko, N.A. (2015). The ideas of a social contract in Russian socio-political thought (on the question of the national specifics of Russian statehood). *Vestnik Universiteta*, 6, 50-55. (in Russian).

Pajps, R. (1993). Russia under the old regime. M.: Nezavisimaya gazeta.

Pivovarov, Yu.S., Fursov, A.I. (1998). Russian system: genesis, structure, functioning (theses and working hypotheses). *Russkij istoricheskij zhurnal*, 1, 3, 87-117. (in Russian).

Rimskij, V. L. (2007). Bureaucracy, clientelism and corruption in Russia. *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*, 1, 65-84. (in Russian).

Sulajmonov, Sh.F. (2016). Theory of institutional matrices on basic economic institutions in redistributive economies. *Osennie ekonomicheskie chteniya: materialy Mezhdun. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg, 27 oktyabrya 2016 g.* Ekaterinburg: IMPRUV.

Yakovlev, A.M. (2002). The Russian statehood (the historical-sociological aspect). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 4, 78-93. (in Russian).

Yakusheva, T. YU. (2008). Conceptualization of "justice" in Orthodox culture. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Social'nye nauki*, 1 (9), 208-215. (in Russian).

North, D. C., Wallis, J. J., Weingast, B. R. (2005). The Natural State: The Political Economy of Non-Development. March. Available at: http://www.international.ucla.edu/ems/files/PER_G_North.pdf.

Поступила в редакцию

11 июня 2019 г.